

Алёна Задонская

Инструкция по выживанию в общаге (и не только)

«Автор»
2026

Задонская А.

Инструкция по выживанию в общаге (и не только) /
А. Задонская — «Автор», 2026

«Инструкция по выживанию в общаге (и не только)»Вера Соколова привыкла, что её жизнь — это идеальный чертеж: красный диплом архитектурного, одобренный родителями жених и план на пять лет вперед. Но всё рушится в один миг, когда жених женится на её сестре, а из-за ошибки коменданта Веру селят в мужское крыло студенческого общежития — «Башню дураков».Её новый сосед — Фил, ходячая катастрофа с крашеными волосами, гитарой без струн и талантом находить неприятности. Он ест чужие сырники, пугает комендантшу и панически боится порядка, потому что порядок когда-то разрушил его семью. Чтобы не сойти с ума и сдать сопромат, Вера заключает с Филом сделку: она помогает ему не вылететь из универа, а он учит её искусству пофигизма.

© Задонская А., 2026
© Автор, 2026

Алёна Задонская
Инструкция по выживанию в общаге (и не только)

Инструкция по выживанию в общаге (и не только)

Глава 1. В которой идеальный план дает трещину.

Моя жизнь развалилась в среду, ровно в 14:20. Я как раз заканчивала чертить разрез фундамента для курсового. Линия рейсфедера скользила по ватману идеально, не дрогнув. В моей жизни всё должно быть идеально. Это семейная установка, вбитая в подкорку раньше, чем таблица умножения.— Верунчик, ты только не плачь, — пропищал в динамике телефона голос моей, теперь уже бывшей, лучшей подруги Ксюши. — Мы с Димой просто поняли, что созданы друг для друга. Это химия! Я медленно опустила рейсфедер. На белоснежном ватмане расплылось крошечное чернильное пятно. Химия. Я как раз сдала её на пять с плюсом. В формуле нашей любви, видимо, я была тем самым ненужным осадком на дне пробирки.— Понятно, — сказала я и нажала «отбой». Тишина в съемной квартире на Гражданке показалась оглушительной.

За окном монотонно чинили трубы, но этот звук больше не раздражал. Меня вообще перестало что-либо раздражать. Внутри образовалась звенящая пустота, как в аудитории перед экзаменом.Идеальный жених, одобренный мамой (Дима, менеджер в папиной компании, перспективный, из хорошей семьи). Идеальная свадьба (регистрация в Грибоедовском, без пошлого кринжа, только близкие). Идеальный план на ближайшие пять лет, распечатанный на плотной бумаге и вложенный в мой ежедневник. План трещал по швам. Я открыла навигатор. Общежитие архитектурного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Мой дом на ближайшие два года, раз уж квартиру пришлось экстренно освободить. Общежитие встретило меня запахом хлорки, старой масляной краски и чужих несбывшихся надежд.

Вахтерша, похожая на усохшую горгулью, долго сверяла мой паспорт со списком, дышала на печать и шлепнула её в карточку с таким звуком, будто забила последний гвоздь в крышку моего гроба.— Четвертый этаж. Блок четыреста двенадцать. Ключ на вахте оставишь, — буркнула она.Лифт не работал. На четвертый этаж я поднималась пешком, считая ступени, чтобы не разреветься. Двадцать четыре пролета. Сто сорок четыре ступени. Комната четыреста двенадцать оказалась в самом конце коридора, который студенты, судя по надписям на стенах, ласково называли «Тупиком отчаяния». Я вставила ключ в замок. Ключ заел. Я дернула, налегла плечом. Дверь распахнулась, больно ударив по моим и без того натянутым нервам.Комната была маленькой. Две кровати, два стола, один шкаф с перекошенной дверцей. На подоконнике стоял кактус, который давно решил свести счеты с жизнью и превратился в серый сухостой. — Так, — сказала я вслух, обращаясь к продавленному матрасу на кровати у окна. — Дышим. По системе 4-7-8. Вдох на четыре, задержка на семь, выдох на восемь. Я закрыла глаза, пытаясь найти внутри точку опоры.

Вдох. Раз, два, три, четыре.Задержка. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.Выдох. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.Дверь снова распахнулась. На этот раз она ударилась о стену с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка. На пороге стоял парень. Мокрый насквозь, хотя на улице светило солнце. В одной руке он держал гриф электрогитары без струн, а в другой — связку бубликов.

С его носа, покрашенного в кислотно-зеленый цвет на кончике, капала вода прямо на мой новенький бежевый коврик для йоги, который я только что расстелила у кровати.Мокрые черные волосы падали ему на глаза. На черной футболке красовался череп в короне. — Привет,

соседка, — сказал он, откусывая бублик. На подбородке осталась мука. — Я Фил. А ты, судя по лицу и идеальной укладке, только что похоронила любимого хомячка? Я посмотрела на свой коврик. На зеленую каплю. На парня с гитарой. Моя система 4-7-8 дала сбой. Я глубоко вдохнула. Досчитала до четырех. И поняла, что систему дыхания придется заменить на систему «беги».— Ты кто? — пискнула я. Голос предательски сорвался.— Я же сказал. Фил. Сосед. Блок четыреста двенадцать, — он обвел комнату рукой. — Ну, половина. Твоя, я так понимаю, та, что с кактусом-импотентом.

А моя — творческая зона.Он кивнул на вторую кровать. На ней вместо одеяла лежал флаг какой-то скандинавской метал-группы, а вместо подушки — стопка журналов с комиксами.— В женском общежитии четыреста двенадцатый блок, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает паника. — Мне дали ключ. Там женское крыло.Фил перестал жевать. Он посмотрел на меня, потом на ключ в моей руке, потом снова на меня. Его зеленые глаза, обрамленные густыми ресницами, вдруг стали очень серьезными. — Комендантша Зинаида Петровна в своем репертуаре, — вздохнул он. — У них там трубу прорвало. Она решила, что ты спортсменка, выдержишь. Или просто перепутала. Ты же Соколова? Вера?Я молча кивнула. — Поздравляю, Вера-Скелет-В-шкафу, — ухмыльнулся Фил, вытирая мокрую руку о свои джинсы. — Ты официально первая девушка в «Башне дураков».

Добро пожаловать в ад. У нас тут по ночам призрак отличника плачет над сопроматом, а на общей кухне по утрам дерутся за последний пакетик «Роллтона». Он развернулся, собираясь уходить, но остановился в дверях.— И это… душ у нас один на этаж. И он работает через день. Сегодня как раз мужской. Так что если хочешь помыться до того, как превратишься в мумию, у тебя есть час. Потом приду я и чуваки с пятого. Мы там пиво притащили. Дверь захлопнулась. Я осталась стоять посреди комнаты. За окном кричали чайки.

В Питере всегда кричат чайки, даже если до залива три километра. Я посмотрела на свой идеальный план. Он лежал в рюкзаке. Я подошла к окну, открыла скрипучую створку и, не глядя, выбросила тетрадь в мусорный бак внизу. Раздался глухой шлепок. Я закрыла окно. Посмотрела на зеленый коврик. Кажется, химию придется учить заново. Начиная с таблицы элементов имени Фила.

Глава 2. В которой выясняется, что сопромат — это не страшно.

Час спустя я поняла, что ад — это не сковородки. Ад — это общая кухня четвертого этажа. Здесь было накурено, несмотря на запрещающие таблички. В воздухе висел плотный смог из запаха жареного лука, дешевого табака и чего-то приторно-сладкого. На трех плитках одновременно скворчали сковородки. Какой-то парень в одних трусах и тельняшке варил пельмени в чайнике.Я стояла у раковины, сжимая в руках свой розовый шампунь с экстрактом лаванды.

Моя очередь в душ так и не наступила. Фил не обманул — ровно через час дверь в душевую с грохотом впечаталась в косяк, и оттуда вывалились трое парней, пахнущие пивом и свободой. — Эй, новенькая! — крикнул мне Фил, проходя мимо с полотенцем на шее. — Не стой столбом. На кухне закон джунглей: кто первый встал, того и конфорка. Я хотела сказать, что я не «новенькая», что я отличница и будущий архитектор, и что вообще-то у меня горе. Но вместо этого я просто вцепилась в свой шампунь крепче. К вечеру я поняла, что выжить здесь можно только одним способом — стать невидимкой. Я забилась в угол своей кровати, надела наушники без музыки и делала вид, что сплю. В блоке кипела жизнь.

К Филу постоянно кто-то приходил. Сначала заглянул парень с дредами, они полчаса спорили о том, кто круче — Nirvana или Soundgarden. Потом пришла девушка с фиолетовыми волосами, принесла пакет вяленой рыбы. — О, Барби, — кивнула она мне. — Фил, у тебя тут плесень не завелась? Она же от одного нашего вида чахнет.Я сжала зубы. Я не чахла. Я проводила тактическую оценку противника.Проблема была в том, что моя кровать стояла вплотную к стене, за которой располагался блок Фила.

А Фил, судя по звукам, не умел существовать тихо. Он пел в душе. Он ронял книги. Он постоянно двигал стул. В одиннадцать вечера, когда я наконец провалилась в тревожный сон, стена содрогнулась от басов. Я села на кровати. Часы на телефоне показывали 23:00. Я встала. Накинула на пижаму халат. Глубоко вдохнула, как на защите проекта, и вышла в коридор.Дверь в комнату Фила была приоткрыта. Музыка орала так, что вибрировал линолеум. Я толкнула дверь.Фил сидел на полу по-турецки. Перед ним лежал открытый учебник. Огромный, страшный, бордовый. «Сопротивление материалов». Рядом стояла пепельница, полная окурков, и кружка с чем-то дымящимся.

Он не танцевал. Он не пил. Он смотрел в книгу так, будто она собиралась его убить. — Выключи, — просипела я. Фил вздрогнул и обернулся. Увидев меня — сонную, в халате с пингвинами, с гнездом на голове — он моргнул. Музыка стихла. — Ты чего? — спросил он. — Время детское.— Это не детское время, — я ткнула пальцем в его учебник. — Это мой учебник. Ты взял его из моей стопки. Фил посмотрел на книгу, потом на меня. — Твой? — он фыркнул. — Барби, это сопромат. Его в принципе нельзя читать нормальным людям, а уж девушкам в пижамах с пингвинами — тем более. У тебя от него мозг закипит. — Это мой профильный предмет! — возмутилась я. — И я собиралась его читать завтра! Утром! В тишине!Фил вдруг рассмеялся. Громко, запрокинув голову. — Слушай, Барби… прости.

Вера. Я не знал, что ты у нас будущий Гауди. Думал, ты модель или там… жена посла. Он встал, подошел ко мне. От него пахло табаком и мятным чаем. Он был выше меня на голову, и в узком коридоре блока стало катастрофически тесно.— Они меня отчислят, — вдруг сказал он севшим голосом. Он больше не улыбался. — Если я не сдам этот чертов зачет в понедельник, меня вышвырнут. А я на бюджете. Мать три шкуры сдерет. Я посмотрела на его лицо.

Без привычной зеленой краски на носу он выглядел совсем мальчишкой. Уставшим и очень злым.— Ты не сдал сессию? — спросила я.— Я её проспал, — буркнул Фил. — А потом пытался сдать всё экстерном. И теперь у меня в голове вместо формул — тексты песен. Повисла пауза. За стенкой кто-то снова уронил кастрюлю. Я посмотрела на его учебник. На свои руки. В моей голове, привыкшей к порядку, щелкнули костяшки невидимых счетов. Фил — угроза моему сну. Фил — угроза моей нервной системе.

Но Фил — это ходячий, дышащий и пахнущий табаком справочник по выживанию в этом дурдоме. А я — отличница, которая привыкла решать нерешаемые задачи.— У тебя есть ручка? — спросила я.Фил моргнул.— Что?— Ручка. И чистый лист. Мы начинаем прямо сейчас. Я прошла в его комнату, отодвинула ногой пустые банки из-под энергетика и села на пол, скрестив ноги. — Садись, — скомандовала я. — Твоя задача на ближайшие три часа — не умереть. А моя — сделать так, чтобы ты не завалил мой будущий диплом. Раз уж нам жить в одном блоке.Фил медленно опустился на пол напротив меня.

Он смотрел на меня так, будто я была инопланетянкой, которая только что предложила ему починить летающую тарелку.— С чего начнем, профессор? — хмыкнул он.— С начала, — отрезала я, открывая бордовый том. — С определения напряжений. И если ты еще раз назовешь меня Барби, я уроню этот учебник тебе на ногу. Он весит пять килограммов. Архитектура — это серьезно.Фил улыбнулся. Впервые за вечер — по-настоящему, широко, показывая чуть неровный клык.— Есть, босс, — сказал он и взял ручку.

За окном занимался питерский рассвет, серый и туманный. А в комнате четыреста двенадцать, в «Башне дураков», впервые за долгое время пахло не пивом. И это был запах новой жизни.

Глава 3. В которой появляется Лика, а сопромат пахнет растворимой лапшой

В четыре часа утра у меня начали слипаться глаза. Мелкий, убористый почерк Фила покрывал уже третий лист А4. Оказалось, что если отмыть его мозг от налета гаражного рока, внутри обнаруживается вполне сносный интеллект. Он схватывал на лету, задавал правильные вопросы и даже пытался шутить про эпюры, сравнивая их с кардиограммой умирающего.

— Эй, трудоголики, вы там трупы или как? — Дверь в блок распахнулась.На пороге стояла девушка. Настоящая. В огромных гриндерсах, рваных на коленях черных джинсах и растянутой футболке с надписью «Смерть оптимизму». На шее болтался фотоаппарат на потертом ремне. Волосы были выкрашены в цвет баклажана и стояли дыбом, зафиксированные, кажется, суперклеем.— О, — сказала она, глядя на меня. — Розовый пуш-ап в логове вандалов. Фил, ты наконец-то кого-то убил и расчленил в ванной, поэтому прячешь тело в блоке?— Это Вера, — буркнул Фил, не отрывая взгляда от чертежа. — Наша новая соседка. Архитектор. Мы тут спасаем мою стипендию.

— Архитектор? — девушка вскинула бровь. — Серьезно? А выглядишь как сбежавшая из рекламы йогурта. Я Лика. Будущий гений независимого кино.Она щелкнула фотоаппаратом, ослепив меня вспышкой.— Лика, не пугай Барби, — Фил потер переносицу. — У неё от нашего быта культурный шок.— Я не Барби, — огрызнулась я, чувствуя, как голова наливается свинцом. — И у меня шок только от того, что кто-то способен бодро выглядеть в четыре утра. — Это потому что я спала, — Лика прошла к своей кровати (она жила в соседнем, четыреста одиннадцатом блоке, дверь между ними была заколочена фанерой еще в девяностых). — Мне приснился Тарковский.

Он упрекал меня в отсутствии глубины. Пришлось встать и сварить кофе. Вам плеснуть? Только кружка одна, и в ней вчера был «Доширак».

— Нет, спасибо, — выдавила я. — Мне нужно закончить с моментом инерции. Фил, сосредоточься. Если ты перепутаешь ось X и ось Y, балка рухнет, и твой рок-н-ролл раздавит зрителей.

— Балка рухнет, если я не выпью кофе, — Фил встал и потянулся, хрустнув позвонками. — У меня мозг высох. Лика, одолжишь свою жижу?

Лика протянула ему кружку с «Дошираком». Фил подозрительно понюхал, скривился, но залпом выпил.

— Энергия земли, — прокомментировала Лика, снова нацеливая на него объектив. — Смотри, какой кадр. Потный гений и его муза в пижаме с пандами.

Я почувствовала, как краснею. Муза. Слово прозвучало слишком интимно для четырех утра и запаха заварного теста.

— Так, — я решительно захлопнула учебник. — Всё. На сегодня лекция окончена. Мозги спеклись.

Я собрала листы. Почерк Фила был ужасен — рваный, летящий, но формулы он выводил четко.

— Спасибо, — сказал он тихо, когда я протягивала ему стопку бумаги. — Серьезно. Я бы до сих пор смотрел на эту страницу как баран на новые ворота.

— Не за что, — я пожала плечами, стараясь выглядеть максимально холодно. — Просто знай, что это аванс. Если ты снова включишь свои завывания в три ночи, я засуну тебе эти эпюры в глотку.

Лика фыркнула.

— Она мне нравится, Фил. В ней есть сталь. Не то что в твоей бывшей, которая плакала, когда ты разбил её керамическую кошку.

— Я её не разбивал, она сама упала, когда я настраивал комбик! — возмутился Фил. — Вера, ты играешь на чем-нибудь? У нас барабанщик ушел в кришнаиты, нужен ритм.

— Я играю на нервах, — отрезала я и скрылась в своей комнате.

***

Проспала я до обеда.

Когда я выползла в коридор, «Башня дураков» напоминала поле после Куликовской битвы. На полу валялись пустые коробки из-под пиццы, в воздухе стоял густой запах перегара и табачного дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.